

Телеведущий Феликс РАЗУМОВСКИЙ:

«Всплеск интереса к истории вроде птичьего гриппа»

новое интервью - 2005 - 08 нояб - с. 7.

Михаил Поздняев

Одним из фаворитов национальной телевизионной премии «ТЭФИ» в этом году называют авторскую программу Феликса Разумовского «Кто мы?». Вчера, 7 ноября, в бывший День согласия и примирения, на канале «Культура» завершился показ его нового цикла «Премьера русского абсурда», посвященного революции 1905 года. Накануне упраздненного старого и непонятого нового праздника историк Феликс РАЗУМОВСКИЙ ответил на вопросы «Новых Известий».

— Программа «Кто мы?» выходит с начала 90-х, но лишь в последнее время ваша персона стала желанной для журналистов, которых вы, как я знаю, недолюбливаете. «Кто мы?», что ни говори, не «Большая стирка». Чем вы объясняете такой запоздалый, но явный к себе интерес?

— Если я вам даю интервью, значит, не так уж чтобы совсем журналистов недолюбливал... Просто мне не по душе, как в прессе освещаются наши телевизионные дела, в том числе немногие просветительские программы. Практика проплаченных «раскруток» ни для кого не секрет, а реальное положение на ТВ не обсуждается. Журналисты сегодня в основном рекрутируют потребителей телепопсы...

— Но теперь они — мы — будто сговорившись, вас одолевают: «Феликс, вы то знаете, как нам не обустроить Россию, а просто жить в ней».

— Этот всплеск интереса — на мой взгляд, род эпидемии, вроде птичьего гриппа. Как всякая эпидемия, думаю, она быстро закончится. По моим предположениям, всплеск вызван тем, что программа в последние два года поднимала самые болезненные вопросы: истоки Гражданской войны, русско-еврейские отношения. Было бы странно, если бы не последовало вообще никакого резонанса.

— А не связано ли это вообще с тем, что как раз в последнюю пару лет исторических передач и сериалов на ТВ стало заметно больше?

— К счастью, зрители все-таки пока у нас еще разные, и я не стал бы говорить, что у всех именно сегодня проснулся интерес к прошлому. У кого-то он никогда не проходил. Но если говорить о погоде общественной, то вы правы.

— Что, из Кремля дали отмашку?

— Разные скрестились векторы. Политическая подоплека на поверхности: на наших глазах провалился самый радикальный либеральный проект в русской истории. Правым политическим партиям отказано в общественном доверии. И не только потому, что там одиозные персонажи. Второй попыткой у нашего «ура-либерализма» уже не будет...

— А что же будет?

— Будут все новые и новые попытки осуществления национального проекта. И здесь — независимо от того, хороши будут попытки или плохи — никак не обойтись без вопроса: «Кто мы?»

— Феликс, а вам не кажется, что этот вопрос не имеет отношения к современному россиянину? Вы рассказываете о народе, существовавшем тысячу, пятьсот и даже сто лет назад. Но того, что составляло суть и цель этого народа, в нас, ваших зрителях, ни в каких параметрах нет.

«Мы в ситуации племени майя. Их история была записана на золотых табличках. Испанцы это золото погрузили на корабль — и историю увезли. А потом, кстати, и корабль затонул. И народ оказался без истории».

— Академик Александр Михайлович Панченко, с которым я начинал делать программу, вернул нам надежду на встречу с самими собой. Панченко сформулировал и доказал на русском опыте закон единства культуры. Суть в следующем: что бы ни происходило с народом, куда бы он ни забредал, основа национальной культуры, ее стержень сохраняются неизменными. Если эту основу удастся разрушить, народ перестает существовать. Так было, и не раз, во всемирной истории. Разных людей, более того, разные поколения может объединить в единый народ только культура. А это не что иное, как система основных понятий и представлений, в том числе пространственных.

— И эти понятия в нас хотя бы отчасти сохраняются?

— Под спудом. В подсознании. Наша душа по-прежнему откликается на русский пейзаж, несмотря на чудовищное запустение. Когда мы снимали программу о Левитане и приехали на место, где была написана картина «Над вечным покоем» — удивительное место, озеро Удомля в Тверской губернии...

— Ахнули?

— Конечно, ахнул. Но, если вы помните картину, там остров изображен, а на заднем плане почти неосозаемый берег. Напиши Левитан этот гениальный пейзаж сегодня, на дальнем берегу стояли бы сооружения Калининской АЭС. Они там и стоят. Конечно, задумаетесь: сохраняем ли мы с той Россией, которую запечатлел Исаак Ильич Левитан, хоть какую-то связь... Я думаю, все-таки сохраняем.

— Скажите, бывают ли по ходу вашей работы над очередным циклом передач такие случаи, что вас как бы разворачивает или поворачивает, и результат существенно отличается от изначального замысла?

— Все бывает. Случаются вещи невероятные. Вот Левитан, еврейский мальчик, живший в среде очень бедной и не очень просвещенной и, мягко говоря, не столь уж включенной в русскую культуру, — зато был у него величайший дар зрения. Левитан через зрелище русского пейзажа воспринял нашу культуру и выразил ее как никто. Передача о Левитане — самая любимая, самая дорогая и для меня, и для всей нашей творческой группы в цикле «Еврейский вопрос — русский ответ». Мы ее и оставили монтировать напоследок, и делали дольше всего и с огромным волнением.

— Вы как-то заметили, что вам нынешняя российская ситуация очень напоминает сюжет «Игроков» Гоголя. Игра, скажи вы, не может быть стилем и сутью сотворения истории.

— Гоголь посмотрел в корень явления. Он изобразил возникшую в России параллельную иллюзорную культуру, которая сегодня преобладает. Ее основной принцип: со-

всем не важно быть, достаточно казаться. Во времена Гоголя имитировали регулярное государство, цветущую империю. В наше время создавали иллюзию демократии. К этому пришли очень быстро, так как попытка «быть Западом» сразу же не задвинулась. Честно было бы после этого сказать: «Ребята, ничего не получается, давайте подумаем почему». Власть погнала пенную волну мнимостей. И патриотизм, гордость за свою историю, — для власти попутный ветер, ускоряющий движение волны. Как, скажите, можно было назвать партию «Наш дом — Россия»? Нужно посечь тех, кто это придумал: дом — один из важнейших символов русской жизни, да и вообще нашей христианской цивилизации. С подобными вещами играть не стоит. А ведь играют! Россия перестала быть домом, страну превратили в проходной двор, в задворки... В какой-то момент почувствовали, что заигрались, стали укреплять суверенитет. И тогда случилась история с возвращением советского гимна с новыми словами. В этой истории, я убежден, не было никакого злого умысла. Напротив, хотели найти хоть что-нибудь, на что можно было бы опереться. Но столкнулись с тупиковой ситуацией. Ведь гимн — тоже символ. А чтобы создать новый символ, нужно сначала ответить на множество вопросов. Должно быть хоть что-то за душой, подлинное, не мнимое. Ну и получите соответствующий, имитирующий чувства гимн...

— И шумиха вокруг Мавзолея — имитация?

— Думаю, что нашим деятелям, ратуящим за то, чтобы похоронить Ленина, по большому счету безразлично, каково ему в Мавзолее. Просто хочется казаться великой страной. «Большевистские мощи» среди православных святых портят картину. Их действительно нужно убрать. Но прежде нужно убрать большевизм из глубины нашего сознания. Имитировать исцеление бесмысленно. И похороны Ленина сегодня вряд ли возможны. Когда народ созрел для чего-то — он это делает. Никакой политик не может ни помешать, ни подтолкнуть народ к принятию решения...

— И когда вы оказались на телевидении, сомнений относительно ведущего исторической программы не было.

— Знаете, все, что с нами происходит и как происходит, — это не случайно. Представьте себе: 92-й год, самое начало российского телевидения, с нуля: новые темы, новые возможности. Только в те времена позволительно было дилетантам так кидать-

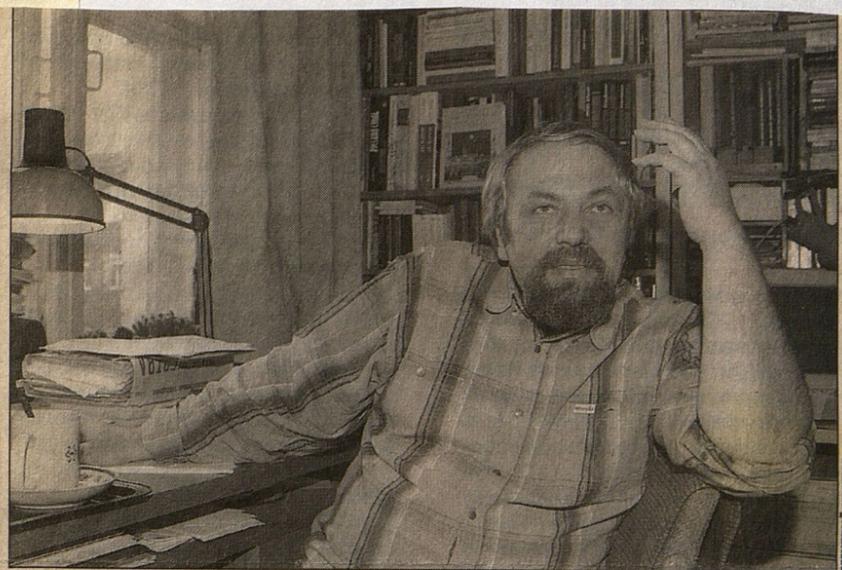
«Похороны Ленина сегодня вряд ли возможны.

Когда народ созрел для чего-то — он это делает.

Никакой политик не может ни помешать, ни подтолкнуть народ к принятию решения...»

ся в омут, как тогда не я один, а очень многие делали. Начинается новая историческая программа. О чем будет первая передача? О русской земле, о чем же еще. Надо говорить о самом главном. Вспоминалось, конечно, «Слово о погибели русской земли». Именно такой воспринималась Россия после завершения советского эксперимента.

Ну и стали думать, кого пригласить ведущим. Думали недолго: разумеется, Лихачева — он все-таки «Заметки о русской земле» и «Познанию садов». Но почему-то Лихачев не смог. Выбор в России невелик. Народу много, а, как граф Витте говорил, «не кем взять». Если не Лихачев — значит, Панченко, хотя на эту тему он никогда не писал,

«Нашим начальником на ТВ был человек, который на своей первой «летучке» высказался в том духе, что, мол, включил вчера телевизор, а там какой-то мужик с бородой. «Ну, что такое! Неужели у нас нету нормальных музыкальных клипов!» Мужик с бородой... Это о гениальном Панченко, которого можно было слушать часами...»

а потому у меня, грешным делом, были сомнения. Но, Боже мой, как Александр Михайлович это сделал, как он говорил о русской земле!.. Так я с ним познакомился и имел счастье работать с этим замечательным человеком.

— И получить от него программу в наследство.

— Не программу, а нечто гораздо большее. Над ним не имели никакой власти переменно-настроения общества и уж тем более политическая демагогия, те самые мнимости. Поэтому Панченко был по-настоящему не востребован не только телевидением (а у него редкий телевизионный дар), но и вообще той бездарной эпохой. Но Господь подарил нам удивительный год — 97-й, когда наша группа работала на телеканале «Россия» под началом Татьяны Степановны Бондаренко. Она собирала нас раз в неделю, в понедельник, в 11 часов, только чтобы спросить, что нам нужно, что мешает. В тот год мы с Панченко сделали несколько больших программ... А перед этим нашим начальником на ТВ был человек, правда, просуществовавший месяца три, но память о себе оставивший надолго. На своей первой «летучке» он высказался в том духе, что, мол, включил вчера телевизор, а там какой-то мужик с бородой. «Ну, что такое! Неужели у нас нету нормальных музыкальных клипов!» Мужик с бородой... Это о гениальном Панченко, которого можно было слушать часами...

по мощи, глубине мысли, обаянию на телевидении нынче нет.

— У вас бывало ощущение, скажем, когда вы делали цикл «Еврейский вопрос — русский ответ», что вы по минному полю ходите?

— Мы эту идею с Панченко обсуждали в 97-м, что ли, году, и он с очень большим скепсисом к ней относился. Считал ее не для телевидения. Все должно происходить вояремья, и, по-моему, эта программа ко времени прищлась.

— Прежде чем этот цикл оказался выдвинут на премию «ТЭФИ», вы получили премию Федерации еврейских общин.

— Да, и это было для меня удивительно: еврейям я польстил не более чем русским.

— А за «русский ответ» вы что-нибудь поимели?

— Премий — нет, не поимел, но в определенных кругах цикл был объявлен «жидомасонским проектом».

— Вы в своей программе все ближе подбираетесь к современности. О каком эпизоде новейшей русской истории вы могли бы снять фильм?

— Да я о нашем времени только и говорю. Дело не в аналогиях. Если взять любое событие нашего настоящего или совсем недавнего прошлого и точно поместить в исторический контекст — оно окажется как под увеличительным стеклом. Оно будет абсолютно понятно. Другое дело, что сегодня такой метод вызывает у всех отторжение. Мы в ситуации племени майя. Их история была записана на золотых табличках. Испанцы это золото погрузили на корабль — и историю увезли. А потом, кстати, и корабль затонул. И народ оказался без истории. Вот и у нас попытались ее отнять и уничтожить. Многие жизнь отдали, чтобы этого не произошло — те же историки русского зарубежья, которых я считаю, как и Панченко, своими учителями. Они все потеряли, знали, что их страну кромсают, но изо дня в день работали для нее, для ее будущего. И свою задачу выполнили. Нам проще, хотя мы и пожиже: дефолт обвалил пол гуманитарной науки. Филологи и историки пошли торговать. А они — ничего, работали, в нужде и вдали от русской земли...

Хотя это понятие — «русская земля» — не только географическое. Совсем не географическое. Полезно иногда вспомнить, что главный город русской земли — Иерусалим, а главная гора — Фавор. (Смеется.) Так думали наши предки. Таковы реальные русские дали и реальная основа русской культуры.